

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И
РОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

А.И. Иванов

Кафедра русской литературы, ТГУ им. Г.Р. Державина

*Представлена профессором А.А. Слезиным
и членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: мораль; общество; общечеловеческие ценности; первая мировая война; русская культура.

Аннотация: Обращение к драматическому периоду в истории русской культуры вызвано необходимостью объективно оценить роль и место творческой интеллигенции периода первой мировой войны (1914 –1918 гг.). Литература, печать, наука, искусство военных лет отстаивали общечеловеческие ценности, препятствовали расколу в обществе и росту жестокости.

Проблема «Первая мировая война и российская интеллигенция» привлекает в последнее время внимание исследователей культурной жизни 1914 – 1918 годов [1] и социальной истории России военного времени [2]. В центре внимания исследователей было поведение интеллигенции в годы Первой мировой войны: душевный патриотический порыв первых месяцев войны, разочарование 1915 – 1916 годов и полный пересмотр системы ценностей, а также влияние войны на судьбы художественной интеллигенции, на тематику произведений [3]. Вместе с тем, по справедливому замечанию авторов специального сборника, задача ученых заключается прежде в анализе всей гаммы деформаций в развитии русской культуры военного времени, выявлении реакций культуры на эти деформации и определении степени влияния войны на темпы и характер развития культуры в целом и отдельные ее стороны и разделы [4, с. 5].

В последние два десятилетия в работах по истории отечественной культуры преодолевается бытовавшее долгое время мнение о том, что 1914 – 1918 годы были неким пробелом в культурном сознании общества. И все же роль и место творческой интеллигенции в сложнейших духовных процессах военного, предреволюционного периода нельзя считать достаточно изученной. Остается без внимания ее стремление воспрепятствовать забвению общечеловеческих ценностей, предотвратить гражданскую войну, направить революционные усилия в русло парламентской борьбы. Многие явления культурной жизни России военного времени трактуются одномерно, упрощенно или излишне тенденциозно. В связи с этим считаем целесообразным привлечь внимание к малоисследованным аспектам художественной культуры в жизни общества военного времени – социокультурной значимости периодической печати, науки, искусства и литературы, *социально-этическому потенциалу* отечественной интеллигенции.

Освещая российскую прессу 1914–1918 годов современный автор справедливо пишет: «В сентябре 1915 г. представители социал-демократии ряда европейских стран на проходившей в Циммервальде социалистической конференции поддержали идею русских большевиков о необходимости поражения собственного правительства в империалистической войне. Это помогло бы скорейшей победе социалистической революции в России, а затем в Европе и мире, утверждали представители большевиков. Они предлагали заключить с Германией сепаратный мир. Эти взгляды, получившие название «пораженческих», разделяли не только сторонники В.И. Ленина, но и более умеренные представители освободительного движения. «Пораженчеству» был противопоставлен лозунг «Война до победного конца!». Вокруг этих лозунгов и разгорелась идейная борьба» [5, с. 34]. Однако несколько десятилетий после войны в исследованиях духовной жизни России 1914–1918 годов, в частности, отношения общества к войне, по идеологическим причинам вниманием пользовалась преимущественно социал-демократическая, большевистская печать («Искра», «Социал-демократ», «Новая жизнь», «Правда» и др.). До сих пор без должного *системного* анализа остается значительная часть периодических изданий общедемократического, либерально-буржуазного и монархического характера. Но ведь именно на страницах этих изданий звучали голоса о недопустимости раскола в обществе военного времени, звучал призыв «на время распри позабыть». Так ли уж неуместен он был для воюющей нации?

Вскоре после начала войны профессор А. Кизеветтер сформулировал тезис, принятый затем на вооружение многими писателями, критиками и публицистами. В статье «Наша первая победа» он писал: «Мы ни на кого не нападали. Мы обороняем родную землю от вторжения врага и мы встали на защиту обиженных единоплеменных братьев. Наше русское и наше славянское дело сливаются воедино с общеевропейской борьбой против главного гнездилища милитаризма. И мы оказываемся в стане поборников культуры» [6]. Эти слова интерпретировались только как «попытка представить империалистическую войну войной «передовой» европейской культуры со средневековым варварством «тевтонцев» [7]. На самом же деле фраза *мы оказываемся в стане поборников культуры* применительно к деятелям литературы, науки, искусства имела более широкий смысл – противостояние средствами культуры бесчеловечности мировой трагедии.

28 сентября 1914 г. в «Русских ведомостях» было опубликовано составленное И. Буниным обращение «От писателей, художников и артистов», которое подписали А. Веселовский, М. Горький, П. Струве, А. Серафимович, И. Шмелев; художники А. Архипов, А. Васнецов, В. Васнецов, А. Корин, К. Коровин, Л. Пастернак; артисты М. Ермолова, В. Качалов, К. Станиславский, А. Южин-Сумбатов и др. В этом обращении выражен протест против жестокости войны и варварства Германии, в результате чего «гибнут в пожарищах драгоценные создания искусства, храмы и книгохранилища, сметаются с лица земли целые города и селения, кровью текут реки...»; прозвучала тревога, что может прорасти «семя национальной гордыни и ненависти», что «пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам». В октябре этого года в одном из писем В.И. Ленин высказал сожаление, что М. Горький подписал воззвание «российских либералишек» [8, с. 24], а затем в статье «Автору «Песни о Соколе» подверг позицию пролетарского писателя жесточайшей критике [9, с. 96-97]. Таким образом, уже в первые дни войны обнаружилась несовместимость общегуманистических и классовых начал в отношении к мировой войне.

Внимание к нравственной значимости публицистики военных лет позволило бы избежать неправомерности обвинений творческой интеллигенции в «добровольном признании в собственной несостоятельности, окрасившем все предреволюционные годы и во многом предопределившем судьбу культуры, а может быть –

и России» [10]. В этом упреке социально-политического характера выразилась суть многих современных суждений об отношении интеллигенции к войне. Но ведь в годы войны публицистическое слово Л. Андреева, М. Волошина, В. Короленко, а также, полные гуманизма произведения поэзии и прозы, запечатлевшие ратный труд соотечественников, взывавшие к состраданию к семьям погибших, к беженцам, детям, военнопленным, были духовным противовесом революционным устремлениям большевиков, призывавшим к «поражению своего правительства». Нельзя любить Россию завтрашнюю, забывая о России сегодняшней – такими словами поэта и критика Ан. Чеботаревской, сказанными во время войны, можно выразить главную идею лучших произведений искусства 1914 – 1918 гг. Подлинно интернациональные начала художественной культуры военных лет выразились в поисках общих закономерных явлений в идеологии воюющих стран, в стремлении найти путь к миру без войн, в противостоянии национализму, антисемитизму.

Именно годы войны характерны наибольшим осознанием художниками социальной роли искусства в жизни общества переломного периода. Нелицеприятная оценка довоенного – модернистского прежде всего искусства прозвучала в статье К. Петрова-Водкина «На рубеже искусства» (1917): «Варилось ядево для обжевшихся. Образовались кадры деятелей «приятного» искусства, «острого» искусства, «тонкого» искусства... Не было и проблесков героического искусства и перевелись словно на свете народные герои». Первым великим испытанием, по мнению живописца, стал «ужас европейской войны»: «дрогнуло искусство в своих недрах, но не сумело ни *благословить*, ни *проклясть* кровавой бури народов...» В словах художника выразилась *ответственность художников за отечественную культуру и за происходящее в стране*.

В этой же статье К. Петров-Водкин сказал, что «...художественный мир делится на свои «классы»: талантливость и бездарность. Настоящий художник всегда в «партии авангарда» ищущего человечества» [11]. В них, на наш взгляд, содержится напоминание о необходимости *разграничения* политических и эстетических начал в суждениях об отношении творцов к происходящему во время войны. Эти сферы смешиваются, а то и подменяются друг другом в обвинениях российской интеллигенции в политической недалекости, аморфности и т.д. Вот как, например, звучит суждение о картине К. Петрова-Водкина «На линии огня» (1916 г.) современного историка изобразительного искусства: «Картина «не получилась», думается потому, что сам художник должен был в ходе работы ощутить ложность общей идеи, положенной в ее основу: война, поначалу сплотившая какую-то часть русского общества, давно уже опустылила большинству. Экспонированная в дни Февральской революции, картина «На линии огня» оказалась написанной явно не ко времени и вызвала отрицательную общественную реакцию» [12, с. 98]. О какой ложной идее войны должен вспоминать наш современник, глядя на полотно, где изображен молоденький русский офицер, умирающий во время атаки? Можно лишь предположить, что автору работы о художнике хотелось, чтобы зритель не столько воспринимал трагедию юного воина и бесчеловечность войны, сколько помнил лишь о том, что война была империалистической, хищнической и т.д. Примеров того, как суть искусства сводится лишь к политическому просвещению, можно приводить немало. В таком освещении роль художественной интеллигенции долго еще будет видеться как нескончаемая цепь ошибок, заблуждений и непонимания происходивших социальных процессов. Между тем публицистика Л. Андреева, В. Короленко, В. Ропшина (Б. Савинкова), стихи М. Волошина, Н. Гумилева, очерки М. Пришвина, И. Шмелева конца войны свидетельствовали о том, что творческая интеллигенция в не меньшей степени, чем левые социал-демократы, *понимала* суть происходящего, например, значения для России сепаратного мира с Германией. Но при этом опять-таки чувствовала

моральную ответственность за завтрашний день всей страны. Позорный мир означал забвение тысяч и тысяч жизней русских солдат и офицеров, означал сломленный дух нации, потерпевшей второе поражение в начавшемся веке...

По мнению В. Короленко, продолжение войны было еще и защитой свободы в России: «...я считаю безумной свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейский мир <...> великим преступлением, от ответственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. Россия только что совершила великое дело – свергла вековое иго. Одним деспотизмом стало меньше. Одной свободой больше на свете. Еще недавно союз с нами враги ставили в упрек нашим союзникам и свою борьбу выставляли, как борьбу с восточной деспотией. Теперь все народы обращаются к нашей родине с восхищением и надеждой, потому что юная свобода в момент рождения имеет волшебную силу омолаживать свободу других народов, придавать им новую свежесть и жизнь.

Вот что значит для нас защита родины. Нужная всегда, теперь она вдвойне нужнее. С нею мы защищаем новую свободу, которой внешнее нашествие грозит смертельной опасностью. Если бы теперь немецкое знамя развернулось над нашей землей, то всюду рядом с ним развернулось бы также знамя реставрации, – знамя восстановления деспотического строя. Нами бы стал повелевать не только Николай Романов, но через него и Вильгельм Гогенцоллерн. Вильгельму Гогенцоллерну нужно, чтобы Россия надолго оставалась подавленной и темной. Неужели это неясно?» [13].

На наш взгляд, русская периодическая печать военного времени отразила малоисследованный этап восприятия обществом новых ценностей, которые современный человек считает своими ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются. В демократических странах официально признанными осознанными ценностями являются гуманистические и религиозные: индивидуальность, сострадание, любовь, ответственность, милосердие [14]. Внимание публицистов, художников, поэтов к Личности, приоритет общенациональных интересов, отстаиваемый в полемике с революционерами, дает возможность рассматривать российскую духовную жизнь периода войны как период конфликта ценностей внутри отечественной культуры. В последние месяцы войны на страницах периодической печати были высказаны суждения о том, что выявилось в материальной и духовной культуре России, об уроках войны для страны, о послевоенном устройстве многонационального государства. Но страну ожидал Октябрь 1917-го.

Более чем за полтора года до Октябрьской революции прозвучало одно из суждений о сути «обновленчества»: «С большими ожиданиями и еще бóльшими надеждами берутся пионеры за дело: избавьте нас только от пут старого, и мы де покажем и вмиг все устроим; пустите нас, и мы вас поведем». Справедливым казалось и предостережение о будущем «обновленцев»: «И чем сильнее самоуверенность и уверения, тем скорее поражение; ибо, став на место старого уклада, они берутся своими еще скудными сбережениями немедленно уплатить его неоплаченные долги. Можно ли при этом избежать несостоятельности?» [15]. Во время войны вопрос о несостоятельности «обновленцев» казался естественным, однако жизнь распорядилась по-иному.

В годы первой мировой войны в российском обществе, быть может, впервые в истории страны, по крайней мере в первой половине XX века, появилась возможность политического диалога, возможность *услышать другого* на основе не классовых, партийных, а *общечеловеческих ценностей*. В устремлениях к послевоенному *завтра* у политиков и художников-философов было нечто общее – *мечта*. Это особенно ярко видно в публицистике и дневниковых записях Л. Андреева, выразившем уверенность в неизбежности очищающей революции, которой окончится война. Но если для поэтов-идеалистов война представлялась *вселен-*

ским делом (Вяч. Иванов) на пути к миру без войн, то для революционеров-прагматиков война виделась как этап в классовой борьбе. Заслуга творческой интеллигенции как раз и заключается в признании приоритетными не классовых, а общенациональных ценностей, во внимании к *человеку сегодняшнему, изведавшему войну*, в тревоге о *нынешней, предреволюционной России*.

В настоящее время начинает осознаваться, что «1914 – 1917 годы были временем сублимации трагических противоречий русской истории, коренных изменений в культурном сознании русского общества» [10, с. 4]. Но для того, чтобы осознать духовную атмосферу России военных лет, необходим многомерный взгляд на искусство военного времени. Сейчас же историки видят в художественных произведениях, письмах и дневниковых записях поэтов, художников, театральных деятелей лишь свидетельства современников, отражение или фиксацию тех или иных конкретных событий военного времени; политологи – материал для обвинений интеллигенции в гражданской несостоятельности в преддверии революции. Без должного внимания остаются сложность духовной жизни, гуманизирующая роль художественной культуры военного времени, внимание искусства к Человеку и его Отечеству.

Именно в наше время особенно важно увидеть эту деятельность интеллигенции, предотвращавшей гибель человечности в согражданах. Как о рядовом и все же примечательном, достойном внимания факте сообщала одна из московских газет военного времени: «Вчера в кинотеатре Ханжонкова дан сеанс для детей. <...> Весь сбор с сеанса предназначен детям лиц, пострадавшим от войны» [16]. Кто-то же устраивал этот просмотр, стараясь чем-то приятным, ярким отвлечь ребятишек-сирот, кому-то важно было оказать скромную материальную помощь оставшимся без кормильцев семьям!

Противостояние отечественной культуры войне нам видится в стремлении к *созиданию*. Деятелей культуры военных лет можно сравнить с героем очерка М. Горького «Садовник», который, несмотря на толпы ошалевших от войны солдат, делал свое дело: заботливо ухаживал за садом и даже прикрикнул на вооруженных людей, топтавших газон. И послушались! Сам М. Горький и его единомышленники, видя невежество соотечественников, организовывал (в годы войны!) научно-популярные издания, массовые лекции с привлечением лучших ученых. В произведениях музыки и живописи безобразному и жестокому в войне противопоставляются основы прекрасного в жизни, рождаются очищающие начала трагического. Лучшим примером тому творения: «Всенощное бдение» С. Рахманинова, реквием «Братское поминовение героев» А. Кастальского, цикл из 14 литографий Н. Гончаровой, картина «На линии огня» К. Петрова-Водкина. Особого внимания заслуживает поэзия военных лет, передавшая щемящую тоску проводов на фронт и горечь разлуки; скорбь женщины, потерявшей сына, мужа, любимого; молитву о ратниках и надежду на скорейшее окончание войны... Проза о первой мировой оставила свой след в освоении темы «Человек и война».

«Несправедливость» в отношении к духовной жизни военных лет заключается не в наличии «белых пятен» в истории культуры и даже не в предвзятости отдельных суждений о произведениях искусства, а в *смешении политического, этического, эстетического*.

Об общественном настроении, которое не могла не отразить российская пресса военного времени, сейчас можно прочитать следующее: «Начавшаяся в августе 1914 г. первая мировая война поставила перед русским обществом целый ряд сложнейших вопросов. Одним из самых острых оказался вопрос об отношении к войне. Общий патриотический подъем, охвативший Россию в первые месяцы войны, довольно быстро угас: бездарное командование, поражение на фронте, тяжелое положение в тылу из-за неорганизованности и отсталости страны быстро

остудили самые горячие патриотические чувства» [5, с. 33 – 34]. Получилось так, что любовь к Отечеству поставлена в прямую зависимость от военных успехов, положения в стране. Тогда что же это за патриотизм, который улечивается от поражений? Или речь идет о «военной эйфории» – временном, начальном общественном настроении – явлении, характерном для каждой из воюющих стран?

В настоящее время с должным уважением начинает восприниматься отношение представителей российской науки к мировой войне. К 1914 г. профессорско-преподавательский состав российской высшей школы насчитывал всего около 5 тысяч человек. Но сколь заметной оказалась роль научной интеллигенции! О переориентации науки на создание оборонительных средств, достижениях отечественных ученых говорится в специальном исследовании [17]. Обращаем внимание лишь на следующее. Война изменила весь строй взаимоотношений внутри преподавательского корпуса российской высшей школы, вызвала всплеск патриотизма, «который сплотил в общем порыве либералов, консерваторов, крайне правых, еще накануне находившихся в состоянии межпартийной и академической вражды» [17, с. 109].

Достоин внимания и вклад ученых-гуманитариев в повышение обороноспособности страны. Он выражался «в посвящении военной теме исследований по истории, политологии, политэкономии, публицистической кампании в газетах и журналах, публичных лекциях, музейной работе, деятельности обществ, агитировавших за помощь фронту, действовавших при высших учебных заведениях. Военно-патриотическое направление в творчестве ученых-гуманитариев, профессоров и преподавателей реализовывалось в следующей проблематике: исследование причин и характера первой мировой войны, изучение международного положения воюющих стран, текущих военных событий, состояния экономики и ее послевоенного будущего» [17, с. 118]. Между тем в современных работах о духовной жизни России нередко звучит пренебрежение к высказываниям философов военного времени. Примером является суждение об одной из статей Н. Бердяева, точнее, следующего высказывания философа: «Война может и должна быть рассматриваема как духовный феномен, и оцениваема, как факт духовной действительности. Всё историческое (войны, революции, передвижения народов и т.п.) предстает нам в материальном облике и слишком много кажется обусловленным причинами внешними. Но за всем подлинно всемирно-историческим действуют скрытые духовные силы <...>. Всякая война имеет более глубокий смысл и более глубокие движущие причины, чем принято думать при внешнем взгляде на все историческое, когда видно лишь поверхностное сцепление событий и кажется, что все было бы совсем иначе при более счастливом стечении обстоятельств» [18]. Назвав статью Н. Бердяева «первым серьезным откликом на войну», современный историк пишет тем не менее: «Очевидно, что подлинного осознания беды, трагедии, еще не наступило. В каждом слове чувствуется пафос, стремление мыслить красиво, возвышенно» [2, с. 261]. Вот так, по одному абзацу статьи Н.А. Бердяева, сделан вывод о глубине постижения русскими философами нематериальных причин войны.

Не менее упрощенные суждения встречаются о специфике *художественного восприятия* войны. В специальной работе о творческой интеллигенции читаем: «Особенностью восприятия войны художественной интеллигенцией было видение ее глазами художника. Война казалась чем-то необычным, загадочным, таинственным, средоточием новых эмоций и впечатлений». Но далее приводится пример *личного* восприятия войны Н. Гумилевым и Б. Савинковым (первый выстрел сравнивался с охотничьим азартом), после которого следовало обобщающее заключение: «Эмоциональность, романтизм, характерные для художественной интеллигенции, способствовали зачастую нереалистическому, неадекватному восприятию мира» [1, с. 108].

В том то и дело, что искусство о войне обратилось к *постижению непознаваемого*. Об этом в дни войны сказал Л. Андреев: «Настоящая война – явление порядка сверхчеловеческого. Смысл ее меняется с каждым днем, растет и углубляется, поднимается на головокружительную высоту. Начавшись борьбой сил материальных, – так многим казалось вначале, – она переходит в борьбу идей. Начатая людьми, она продолжается богами. Драматический элемент крови и страданий личности едва видим в озарении планетарных задач; участие Идей, олицетворяемых народами, несомых массами, утверждаемых огнем и громом, дает войне пафос трагический. Как бы снова молниями и громом заговорил Синай, какие-то *новые* заповеди вешаются человеку с его божественной высоты» [19]. Именно над непостижимостью войны, невыразимостью чувств человека рядом со смертью билась мысль писателей-фронтовиков Н. Гумилева, В. Катаева, Ф. Крюкова, Я. Окунева, Ф. Степуна, Б. Тимофеева, А. Толстого – всех, кто пытался передать ощущение войны.

В работах о творческой интеллигенции не учитываются особенности *художественного восприятия* трагических событий истории. «Несмотря на многочисленные *предчувствия* и предсказания, – пишет современный исследователь, – художественная интеллигенция восприняла начало войны как неожиданность...» [1, с. 108]. Характерно, что перед войной (А. Блок) и во время войны (М. Волошин) звучало сравнение поэзии с сейсмографом. Известно, что этот прибор «предсказывает» потрясения, во время которых он отмечает лишь силу колебаний. Такое сравнение уместно и по отношению к отечественной поэзии начала XX века. Строки А. Ахматовой, Вяч. Иванова, В. Ходасевича передали ощущение приближающейся войны, тревожное предвоенное состояние. Во время войны поэзия предвещала более страшное – гибель, потерю прежней, довоенной России. Не случайно в годы войны в литературе обострился интерес к устоям в национальной жизни, бережное внимание к довоенной действительности, осмысление настоящего в сопоставлении с прошлым.

Во время войны не один писатель, художник, поэт почувствовал сложность вопроса об отношении к тому, что вчера еще совсем не ценилось, критиковалось, изобличалось. Что же требовалось России тогда, до 1914 г. – критика или любовь? Вот как отвечает на этот вопрос современный историк Первой мировой войны: «Жалея свой народ, блестящая русская элита XIX – начала XX века не признавала решающей, почти необратимой отсталости основной массы населения. Удобнее было найти в ней черты вселенского вселюбия, органического гуманизма. Не критика нужна была России, но серьезная работа любящих сердец, осознание своей просветительской и организующей миссии. Слишком много русских людей так и не смогли «оторвать» себя от своего народа, встать над ним ради его же спасения» [20, с. 7]. Как отнестись к этим словам? Если говорить о критическом отношении к *просветительской, организующей миссии* творческой интеллигенции довоенной России, то, видимо, они бесспорны. Но что означало бы *оторвать себя от своего народа* во время войны, перед началом революции?

Чтобы полнее представить социогуманитарное наследие художественной культуры трагических для России лет, необходим многомерный подход, учитывающий временной контекст – рубеж XIX-XX веков, когда в общественных науках стала складываться новая картина мира, отличающаяся большей сложностью, нелинейностью, неопределенностью [21, с. 16]. Первая мировая война ознаменовала собой начало нового политического мира и новых политических отношений, что обязывает исследователей отходить от старых рациональных схем и при анализе духовной жизни воюющей России.

Первая мировая война, как и последующие военные катастрофы и угрозы XX века, выявила новый глубинно-трагедийный подтекст отношения человека и общества. «Этот подтекст связан с тем, что в XX веке наглядней, чем когда-либо прежде, выявилось, что ценность самой жизни – это не только естественно-природная, но и социально-общественная величина. Трагический опыт XX века свидетельствует о том, что часто общественные институты, ввергая человека в войны, приговаривая его к смерти, «оборачивались» против него» [22, с. 13]. Русская литература 1914 – 1918 гг. с ее традиционным гуманистическим отношением к человеку была моральным противовесом как революционным устремлениям, так и мечтам о Константинополе.

В свое время В. Верещагин сказал об искусстве военного времени, что оно способно в конечном итоге вывести общество из кризиса. «Армия и церковь», «признанные и официальные защитники общества», здесь неминуемо окажутся бессильны, – искусство же «должно и будет защищать общество». «Влияние его мало заметно и не ощущается резко, но оно очень велико; можно даже сказать, что влияние на умы, на сердца и на поступки народов громадно, непреодолимо, не имея себе равного» [23, с. 204].

Чтобы ярче представить воздействующую роль искусства разомкнутого на военную действительность, проблему «война и культура» из социально-политической следует перевести в морально-эстетическую сферу. Или, говоря кратко, следует увидеть *мораль в действии*. Не менее важным, чем научно-технический, является идеологический потенциал воюющей страны. Об этом свидетельствовала обстановка в странах-союзниках Англии и Франции, о чем писали зарубежные корреспонденты наших газет. О чем свидетельствовал, увы, печальный опыт России.

Освобождаясь от стереотипов в восприятии русской культуры и искусства периода первой мировой войны, можно не раз убедиться в правоте тех, кто ставил общечеловеческие ценности выше классовых, партийных. Возвращая из политического небытия размышления и творения периода войны, можно лучше увидеть гуманизирующую роль искусства, в центре внимания которого были Человек и его Отечество в годы испытаний.

В годы войны русское искусство делало то, что и подобает подлинному искусству военных лет: утешало, молилось, сострадало, надеялось, верило, отчаивалось, взывало к совести... Примером тому являются творения композиторов С. Рахманинова и А. Кастальского, художников К. Петрова-Водкина и Н. Гончаровой, писателей Л. Андреева и И. Шмелева, поэтов А. Ахматовой и Е. Кузьминой-Караваевой...

Список литературы

1. Купцова И.В. Когда пушки стреляют, музы молчат?.. (Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны) / И.В. Купцова // Клио (СПб.). – 1997. – № 1. – С. 108-119.
2. Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция / Н.Н. Смирнов // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). – СПб., – 1999. – С. 257-270.
3. Ледовских Н.П. Русская творческая интеллигенция в годы первой мировой войны / Н.П. Ледовских // Россия в Первой мировой войне: Тез. межвуз. науч. конф., 4-5 октября 1994. – Рязань, 1994. – С. 143-146.
4. Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX вв. Вып. 2. – М., 1990.

5. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века / С.Я. Махонина. – М., 2002.
6. Русские ведомости. – 1914. – 5 августа.
7. Вильчинский В.П. Литература 1914-1917 годов / В.П. Вильчинский // Судьбы русского реализма начала XX века. – Л., 1972. С. – 234.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 49 / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1975. – 706 с.
9. Ленин В.И. Автору «Песни о Соколе» / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 26. – М., 1975. – С. 96-97.
10. Белая Г.А. «Срыв культуры»: нераспознанное поражение / Г.А. Белая // Вопросы литературы. – 2003. – № 1. – С. 5.
11. Дело Народа. – 1917. – 20, 28 мая.
12. Петров-Водкин К.С. Живопись. Графика. Театрально-декорационное искусство / К.С. Петров-Водкин. – Л., 1986.
13. Короленко В.Г. Защищайте свободу / В.Г. Короленко // Нужна ли война? – М., – 1917. – С. 5.
14. Фромм Э. Революция надежды / Э. Фромм // Психология и этика. – М., 1993. – С. 287.
15. Ландау Г. Разрозненные страницы / Г. Ландау // Северные записки. – 1916. – № 2. – С. 210.
16. Голос Москвы. – 1914. – 6 декабря.
17. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) / А.Е. Иванов // Вопросы истории, естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108-127.
18. Бердяев Н.А. Война и возрождение // Утро России. – 1914. – 17 августа. – С. 2.
19. Андреев Л. Война / Л. Андреев // Отечество. – 1914. – № 1. – С. 1.
20. Уткин А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, – 2001.
21. Панарин А.С. Философия политики / А.С. Панарин. – М.: Наука, 1994.
22. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя / В.С. Барулин– СПб., 2000.
23. Верещагин В.В. Повести, очерки, воспоминания / В.В. Верещагин. – М., 1990.

World War I and Russian Artistic Intelligentsia: Modern Problems of Study

A.I. Ivanov

Department of Russian Literature, TSU after G.R. Derzhavin

Key words and phrases: morale; society; all-human valuables; World War I; Russian culture.

Abstract: Reference to dramatic period in the history of Russian culture is caused by the necessity of true evaluation of the role and place of creative intelligentsia of the period of World War I (1914-1918). The literature, the press, the science and the art of the years of war fought for all-human valuables, opposed to the split in society and growth of cruelty.

Erster Weltkrieg und russische Künstlerintelligenz: gegenwärtige Untersuchungsprobleme

Zusammenfassung: Die Lenkung zur dramatischen Periode in der Geschichte der russischen Kultur ist von der Notwendigkeit der objektiven Einschätzung der Rolle und Stelle der Kunstschaffende in der Periode des ersten Weltkrieges (1914-1918) herbeigerufen. Die Literatur, die Printmedien, die Kunst der Kriegsjahre hielten die allgemeinen menschlichen Werte und verhinderten an der Spaltung in der Gesellschaft und an dem Grausamkeitswachsen.

Première guerre mondiale et intelligentsia russe littéraire: problèmes actuels de l'étude

Résumé: Le recourt à une période dramatique de l'histoire russe est lié à la nécessité d'évaluer avec une précision objective le rôle et la place de l'intelligentsia littéraire de la période de la première guerre mondiale (1914-1918). La littérature, l'art et la science des années de la guerre défendaient les valeurs humaines et empêchaient la dissidence dans la société et l'augmentation de la cruauté.
